

проявления оно необходимо Богу, ведь Ему необходим самобытный человек, конституирующий свою самобытность «из ничто». Замечание Лот-Бородиной Бердяеву в том, что ничто является не Божественным, а человеческим, встречает его созвучие. Именно оно конституирует самобытность человека. А упрёк Маритена, в том, что об этом начале нет ничего в откровении, находит ответ, что этого и не нужно, ведь это начало может раскрыть человек как сущность, принадлежащую именно ему. Роль Бога заключается в помощи в момент создания, когда человек наделяется даром творчества и в актах благодати, когда в согласии с Богом человек получает благодатную помощь в реализации своего творческого предназначения.

Бердяев считал, что Божественный процесс отражается в земном мире, и гуманизм является очередным этапом раскрытия Божества, этапом раскрытия его человечности. Однако катаклизмы истории, усиление зла в мире разрушили его веру в благоприятный исход гуманизма. Зло здесь уже свидетельствовало о Богооставленности мира. Поскольку именно человек является посредником между Богом и миром, то эта богооставленность связана с ним. Возвышая человека, Бердяев начинает радикально обличать проявляемое им зло. Концепция объективации и есть объяснение сущности зла в мире. Таким образом, в радикальной богочеловеческой борьбе со злом центральным агентом действия оказывается человек. А раз так, то именно культурные формы, а не религия, являются адекватной формой духовности в современном мире. Религия перерастает в культуру, становясь религиозной философией, вера – в творчество. А это и есть гностицизм как попытка перенести приоритет в богообщении от Бога к человеку. Человек достигает Бога, прежде всего не по милости благодати, а в силу свободы личного духа – гнозиса. Это приводит к тому, что человек становится реальной божественной сущностью на земле, христианство из-за гностической прививки перерастает в антропотейзм. И хотя Бердяев заявляет о богочеловеческом характере творчества, именно его свобода, имеющая приоритет, отдаёт приоритет человеку.

УДК 113

КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯЗЫКА В «ФИЛОСОФИИ ИМЕНИ» С. Н. БУЛГАКОВА*

*Ж.Л. Океанская
Иваново, Россия*

В контексте отечественной православной мысли Нового времени С.Н. Булгаков в существенных чертах завершает дело, начатое А.С. Хомяковым, а именно – реставрацию онтолого-метафизических оснований человеческого сознания и космологической реальности, утраченных в результате общеантропологического кризиса и Востока, и Запада.

«Философия имени» в целостном своём замысле может быть понята как радикальное возвращение онтологических оснований языку. Булгаков сразу же указывает на трансцендентность самих оснований словесной реальности по отношению к возможностям её как лингвистико-филологического, так и тради-

ционно-философского обнаружения: «...слово... есть пришелец из другого мира, вернее сказать, оно принадлежит сразу двум мирам. Вся новейшая философия, кроме Лейбница, прошла мимо языка, можно сказать, не заметив проблемы слова. Ни Кант, ни Фихте, ни Гегель не заметили языка и потому неоднократно являлись жертвою этого неведения».

Основная собственно булгаковская мысль (с такой заострённостью она прозвучит несколько позднее, пожалуй, лишь у Хайдеггера, с именем коего культурное сознание связало и закрепило это клише) состоит в следующем: «...не мы говорим слова, но слова внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной... В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит её голос. Слово *космично* в своём естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию, и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нём и через него звучит мир, потому слово антропокосмично...». Следуя Гумбольдту, Булгаков особо подчёркивает, что «слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления, в этом всё дело». Но Булгаков в этом нафосе идёт значительно дальше Гумбольдта, для которого язык есть энергия человеческой деятельности: «...вообще нет и быть не может генезиса слова, слово не может возникнуть в процессе. Оно может быть или не быть, наличествовать или не наличествовать в сознании... Слово необъяснимо, оно существует в чудесной первозаданности своей».

Булгаков указывает и на метафизическую – соборно-софийную – природу языка, из чего вытекает социум и его состояния не как основания, но уже как продукты культуры. Реальное многообразие языков мыслится им как видовая вариативность родового логоцентрического единства более высокого – космологического – порядка. Человек оказывается в зависимости от этих метафизических обстоятельств, но именно они делают его место центральным в бытии: «Язык дан человеку, потому что в нём и через него говорит вся вселенная». Настаивая на космологическом вестничестве и энерго-информационной природе человеческого языка, Булгаков создаёт свособразную контроверзу традиционно сложившемуся в сциентистском сознании семиотическому пониманию языковой реальности: «в словах говорит себя космос», «слово как мировое, а не человеческое только слово есть идеация космоса», и, таким образом, «положение, что *слова сами себя говорят...*, сами звучат в человеке, но не создаются человеком, соответствует *природе слова*, и иначе быть не может», поскольку «слова суть символы смысла...».

Человек оказывается не просто медиумом при таком положении дел – ведь его духовное местоположение в таком космосе центрально, – а сам космос в духовном отношении *антропоцентричен*. Согласно мыслителю, всё это свидетельствует о высочайшем творческом призвании человека, а не о его онтологическом рабстве. Человек оказывается единственным изо всех известных нам живых тварей существом *космически одарённым*.

Мир у Булгакова становится творческим полем встречи божественного и человеческого, трансцендентного и экзистенциального факторов, причём полем, *даруемым* от первого – последнему, от Бога – человеку. Для автора «Философии имени» очень важен именно этот *антропокосмизм реальности*, лишь на его основе события Священной Истории прочитываются как продолжающиеся за пределами Рая богочеловеческое общение. Именно *попечение о человеке как венце творения* позволяет говорить о редкостном для XX столетия *теологически обосновываемом гуманизме* софиологического учения. С полным раз-

рушением таких оснований были связаны антиантропологические тенденции в хайдеггеровской герменевтике и деконструктивизме...

Ставя «вопрос о символической природе слова» и подчёркивая, что «слово есть символ смысла, сращение идеи со звуком», автор «Философии имени» соединяет платоническую метафизику и романтический органицизм. Та же самая идея высказывалась и Гумбольдтом: «Любой язык в полном своём объёме содержит всё, превращая всё в звук» («О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества»). Однако мы можем сказать, что Булгаков делает эту тему центральной. «Философия имени» Булгакова – это не только рефлексирование и обобщение идей русского гумбольдтианства К.С. Аксакова и А.А. Потебни, но и развитие ряда хомяковских филологических интуиций, в свою очередь весьма близких смыслоформам барокко и Лейбницу...

Антигностический космологизм булгаковской метафилологии в лучшую сторону отличает её от существенно близких опытов Флоренского и Лосева: в ней сохранён онтологический статус космической реальности, герменевтически не растворённой ни в схоластической рефлексии по поводу авторитетности источников, ни в культурно-морфологических и психологических галлюцинациях учёных.

Современные космологические разработки, постепенно отходящие от классической в физике XX века фридмановской модели однородной и анизотропной «расширяющейся Вселенной», постепенно и неуклонно подводят к идее о невозможности её *описания* как Целого – но это происходит потому, что обнаружился дефицит внутри физики, внутри самого астрофизического миропонимания, того, что составляет его предпопимающую основу, а именно – метафизику. Булгаков радикальным образом восполняет этот пробел, и новое открытие его трудов принадлежит будущему; его софиология не является «реликтовым излучением» умершей интеллектуальной культуры.

Антисемиотический космологизм «Философии имени» С.Н. Булгакова связан с развитием совершенно иного, непривычного для нынешнего научного сознания взгляда на природу языковой символики: не антропогенетического, а онтогеологического. И это было весьма своеобразное филологическое воскрешение Лейбница: «Бог, создав человека существом общественным, не только внушил ему желание и поставил ему в необходимость жить среди себе подобных, но и *даровал* ему речь, которая должна была стать великим орудием и всеобщей связью общества. Таково происхождение *слов*, служащих для представления, а также и для объяснения *идей*» («Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии», книга третья «О словах»). Согласно «философии имени», язык есть энерго-информационная и онтологическая символическая, проще говоря, *бытийная, а не знаковая* система.

До сих пор не решён вопрос о возможностях однозначной патристической верификации этого исходного принципа, уходящего в архаические мифоосновы человеческого сознания, что не отменяет ценности «Философии имени» С.Н. Булгакова как наиболее продуманного в своей сущностной завершенности *метафизического* обрамления к современным герменевтико-культурологическим, структуралистско-феноменологическим и даже биогенетическим разработкам о языке, имеющим несомненную, но лишь *относительную* ценность, только оттеняющую космологическую неисчерпаемость самой языковой мифоосновы.